

А.О. Белоус

**К.Д.Кавелин об основных этапах
исторического развития России.
Личность, государство, род**

В первой книге «Современника» за 1847 г. появилась статья К.Д.Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», основу которой составили лекции, читанные им в Московском университете. Эту статью можно считать своего рода первым программным выступлением представителей нового направления в русской историографии. В ее вводной части Кавелин отмечал повышенный интерес к русской истории как в России, так и в Европе. «Теперь все образованные люди интересуются русской историей, – писал он, – не только у нас, даже в Европе многие ею занимаются». Причину такого внимания Кавелин видел в росте авторитета Русского государства, в самой его судьбе, отличной от судьбы других славянских стран. «В то время как все некогда обширные и сильные государства, основанные славянами, пали, одна Россия, государство тоже славянское, создалась так крепко и прочно, что вынесла все внешние и внутренние бури и из каждой выходила как будто с новыми силами». Исключительная судьба России выглядела в глазах Кавелина «явлением совершенно новым, небывалым в истории». При этом он противопоставляет историю России истории стран Западной Европы¹. Между ними он не находит «ни одной черты сходной, и много противоположных»: в Европе дружинное начало создало феодальные государства, в России – удельное государство; феодальную и удельную систему он сопоставлял с товариществом и семьей; в Европе видел сословия и аристократию и не находил их в древней Руси.

Европейские города, по мнению Кавелина, имели отличное от сел устройство, что обусловило наличие среднего сословия; устройство русских городов и сел он считал одинаковым. Европе, с ее рыцарством, монашескими орденами, отсутствием местничества, с церковью, облеченной светской властью и борющейся с государством, он противопоставлял Россию с местничеством и без рыцарства, имевшую лишь один монашеский орден (и тот основанный в Европе), церковь, лишённую светской власти и в мирском отношении зависимую от государства. Кавелин полагал, что в Европе сначала не было общинного быта, но потом он возник; в России сначала существовал общинный быт, впоследствии пришедший в упадок. В России «в исходе XVI в. сельские жители прикрепляются к земле, в Европе после основания государств не было такого явления»². Эти рассуждения Кавелина расходились с западными взглядами и резко отличались от воззрений Белинского. На них лежит отпечаток славянофильских настроений, но вместе с тем они только на первый взгляд могут быть приняты за чисто славянофильские. Признавая резкое различие между Россией и Европой в древние времена, Кавелин не выступал сторонником его сохранения. Он приветствует реформы Петра I, хотя и не считает их строго продуманными. В ходе реформ XVIII в. **русские «обнаружили много сил, ума, благородства, много очень хорошего, но в таких юношеских формах, как будто... только что начинали жить»**³. Нужно рассматривать собственно историю России, которая отличается от истории стран Востока, «где с самого начала до сих пор все повторяется почти одно и то же, а если по временам и появлялось что-нибудь новое, то замирало или развивалось на европейской почве. Русская история представляет постепенное изменение форм, а не повторение их... В этом смысле, – добавляет Кавелин, – мы народ европейский, способный к совершенствованию, к развитию, который не любит повторяться и бесчисленное число веков стоять на одной точке»⁴. Таким образом, находя в общественном и политическом строе России многочисленные отличия от Европы, Кавелин вместе с тем видит между ними общее в значительно более важном вопросе, чем наличие или отсутствие местничества или протестантизма. Выступая против тех, кто оставляет историкам только изучение фактов, он призывает на основе «фактического знания предмета» обратиться к разработке теории.

В своих теоретических изысканиях Кавелин развивает схему, предложенную Эверсом: «семья–род–племя–государство». По Кавелину, в древнейшие времена быт славян был основан исключительно на кровных началах и родственных отношениях; о других отношениях они не имели никакого понятия, а потому, когда таковые появились, подвели и их под те же родственные, кровные отношения. Этот внутренний быт не испытал на себе никакого внешнего влияния, несмотря на беспрестанные сношения с иностранцами и набеги завоевателей – авар, хозар, норманнов, татар. Даже тяжелый гнет татар не сказался на самом характере внутреннего строя жизни, «монгольское влияние ограничилось несколькими словами, вошедшими в наш словарь»⁵. Наибольшую потенциальную возможность произвести серьезные изменения во внутреннем устройстве восточных славян, казалось бы, имели варяги. Однако они «скоро подчинились влиянию туземного элемента» и не нарушили прежнего направления внутреннего развития страны. В результате, писал Кавелин, «наша древняя, внутренняя история была постепенным развитием исключительно кровного родственного быта»⁶.

Так Кавелин уже не только утверждает наличие определенных общественных отношений в истории России, но и ищет закономерности, определявшие их развитие. Стремясь ответить на вопрос, по какому же закону развивался этот кровный, родственный быт, он усматривает причину эволюции общественных отношений во влиянии христианских идей⁷. Христианство, которое, по его убеждению, «во имя внутреннего, духовного мира отрицает все видимые, материальные, условные, следовательно ничтожные различия между людьми», равно призывает к спасению все народы и племена, все касты и сословия, и свободных и несвободных, всем обещает и дает «равное участие в благах небесных», впервые выдвигает мысль о «бесконечном, безусловном достоинстве человеческой личности... Христианское начало безусловного достоинства человека и личности вместе с христианством рано или поздно должно было перейти в мир гражданский»⁸. Таким образом, в представлении Кавелина, христианство способствовало росту влияния духовных сил человека и повышению роли человеческой личности. Если в древности человек ничего не значил, то под влиянием христианства перед народами была поставлена новая цель: «...безусловное признание достоинства человека, лица, и всестороннее его развитие»⁹.

Вопрос о постепенном осознании людьми значения и прав личности был важной составной частью кавелинской концепции исторического развития, и в частности истории России. Он был тесно связан с пониманием значения личности в философском и политическом плане. Кавелин всегда подчеркивал, что для истинного прогресса необходимо нравственное усовершенствование личности¹⁰. В рассматриваемой статье он выдвигает развитие личности в качестве общей идеи, определяющей все историческое развитие России. Это позволяет ему развернуть весьма стройную теорию внутренней, «бытовой» истории России, основанную на постепенной эволюции человеческой личности, возникающей как результат развития первоначального, родственно-семейного быта славяно-русских племен.

Развитие общества в направлении совершенствования человеческой личности шло, в представлении Кавелина, по-разному. В своей статье он говорит о двух путях: по одному шли германские племена, по другому – русско-славянские. Под влиянием беспрепятственных войн у германских племен рано развилось глубокое чувство личности. Личное начало легло и в основу рано появившихся у них дружин – добровольных союзов. Все отношения у них «запечатлены этим началом личности и выражаются в строгих юридических формах»¹¹. Личным началом были проникнуты и созданные ими государства. Уже после оформления этих начал в них проникает религия, под влиянием которой мысль о безусловном достоинстве человеческой личности переходит в мир гражданский и начинается в нем осуществляться.

По-иному складывалось развитие русско-славянских племен. Спокойные и миролюбивые, они не знали начала личности, которая расплывалась в семейном быту, им предстояло ее создать. «Так, задача истории русско-славянского племени и германских племен была различна. Последним предстояло развить историческую личность, которую они принесли с собою, в личность человеческую; нам предстояло создать личность. У нас и у них вопрос поставлен так неодинаково, что и сравнивать невозможно. После мы увидим, что и мы и они должны были выйти, и в самом деле вышли, на одну дорогу»¹².

«Призвание варягов» Кавелин считал «важным многозначительным событием». Причины этого события, на первый взгляд казавшиеся загадочными, по мнению Кавелина, выглядят значи-

тельно проще, если на них посмотреть с точки зрения родовой теории. Поскольку «кровный быт не может развить общественного духа и гражданских добродетелей», выборы начальника, старейшины, князя из своей среды оказывались крайне затруднительными, так как вызывали бесконечные распри. В этих условиях славянские племена, сознававшие необходимость власти, предпочли подчиниться постороннему, «равно чуждому для всех» лицу. В результате в Россию явилась «воинственная дружина под предводительством вождей, которых наши предки по-своему называют князьями». «Из русско-славянских племен, волей или неволей покорившихся дружине, образуется сильное, обширное государство, – пишет Кавелин, – но устройство его носит на себе неславянский отпечаток; кажется, оно было феодальное»¹³. Последнее замечание представляется весьма важным. Кавелин считал, что созданное варягами государство носило феодальный характер. В чем же он усматривал признаки феодальных отношений? «Если этого не видно из слов летописи, что предводители варяжской дружины сажали своих мужей в покорившихся или покоренных городах, – слов, которые, впрочем, подлежат различному толкованию, – то это более нежели вероятно из того, что Рогвольд и Тур имели свои наследственные владения; что в договоре Олега и особенно Игоря говорится о состоящих под их рукою светлых князьях в русской земле, исчисляются их имена, все неславянские, посылаются от них послы вместе с послами Олега и Игоря, и выговаривается на их часть контрибуция у греков»¹⁴. Признак феодальных отношений усматривал Кавелин и в принесенном на Русь варягами праве князя наследовать после смерда-поселянина. Дружина, пришедшая с князьями-варягами, представляла собой, по мнению Кавелина, «учреждение не русско-славянское, основанное на начале личности и до того чуждое нашим предкам, что в их языке нет для него даже названия: ибо мы по привычке называем его дружиной ... придавая ему какой-то частный, домашний, полусемейный оттенок, какой дружины действительно получили у нас впоследствии, но которого не могли иметь сначала».

Главный результат призвания Кавелин видит в том, что варяги принесли с собою зачатки государственности и политического, государственного единства всей русской земли, «новую систему управления, неизвестную семейно-общинной доваряжской Руси».

Кавелин полагал, что «эта система строга, убыточна, разорительна для подданных. Она совершенно равнодушна к управляемым, противопоставляет их интересы интересам правителя, его обогащение поставляет главной целью и резко выдвигает его лицо из среды подвластных»¹⁵.

Признавая наличие феодальных отношений, принесенных варягами и просуществовавших до начала XI в., Кавелин шел вслед за Н.А.Полевым. Мысль о феодализме на Руси, промелькнувшая в их работах, не получила дальнейшего развития и на долгое время исчезла из трудов по русской истории. Лишь в самом конце XIX в. Н.П.Павлов-Сильванский обратился к вопросу о русском феодализме, о котором, по замечанию С.Н.Валка, «в течение всего почти XIX века даже не полагалось заикаться в ученом труде»¹⁶. Подобно Н.А.Полевому, Кавелин видит в феодализме лишь определенную форму зависимости между сюзереном и вассалом, не выходящей за рамки юридических отношений. Он никак не связывает феодальные отношения с процессом развития внутренней жизни славяно-русских племен, считая эти отношения привнесенными со стороны, присущими лишь варягам и исчезающими по мере их ассимиляции. Едва приблизившись к мысли о сопоставлении некоторых институтов, существовавших в древней Руси, с феодальными, Кавелин спешит расстаться с ней. Поскольку «феодальный порядок не мог укорениться на нашей почве и исчез вместе с варягами», Ярославу, на княжение которого, по мнению Кавелина, пришлось новое преобладание русско-славянского элемента над уступившим ему место варяжским, «оставалось построить государство по началам туземным, до которых тогда развился наш древний быт». Таким началом в представлении Кавелина являлась семья, род. Ярослав как «князь чисто русский», по мнению Кавелина, «первый задумал основать государственный быт Руси и утвердить ее политическое единство на родовом начале». В результате прерванная было нить национального развития «подымается опять, с той точки, на которой оно остановилось перед пришествием дружины, но теперь оно уже не ограничивается одним общинным, частным, домашним бытом, а охватывает собою и государственный быт, созданный чужеземцами и вместе с ними подчиненный влиянию туземного элемента».

Далее Кавелин обращается к судьбе семей, которые накануне прихода варягов в условиях, когда падало единство внутри племен и общин, становились «главными деятелями в нашем внутреннем быте», а затем, превратившись в многоветвистые роды, распались на составные части и утратили сознание своего внутреннего, кровного единства. Потомство Владимира, а затем потомство Ярослава выступило на историческую сцену как семья, разросшаяся в целый род. Здесь Кавелин делает важное уточнение: он говорит, что княжеская семья не была единственной, но судьба других семей потерялась в массе народа, княжеский же род Владимира был на виду, управляя Россией. Поэтому, полагал Кавелин, на нем можно «подробно изучать постепенное развитие семьи и рода, законы этого развития и необходимый его исход». «Весь наш быт, от Ярослава до усиления Москвы, есть история развития родового начала, предоставленного самому себе, история его постепенного разложения и упадка»¹⁷, – резюмирует он.

Тем самым Кавелин ограничивает объект своего изучения историей междукняжеских отношений, в которых, по его мнению, наиболее ярко выражено развитие родового начала. Эта существенная черта отражается на общей концепции Кавелина. Он брался рассматривать юридический быт России, а следовательно, и ее народа, но также вернулся к кругу вопросов, которыми занимались Карамзин и Погодин, приложив к ним свою, новую для того времени схему. По мысли Кавелина, в княжение Ярослава вся Россия управлялась одним княжеским родом. Каждый князь, член этого рода, имел свою часть. Весьма существенно, что не было определено, на каком основании каждый член княжеского рода получал свою часть. Старший в княжеском роде был великим князем, которому подчинялись все остальные. Вскоре после смерти Ярослава, когда только начинался удельный период, возникло «колебание» между территориальным началом, с одной стороны, и личным, родовым, семейным – с другой; это привело к нарушению политического единства России и стало причиной раздробленности. Распределение уделов между князьями в порядке старшинства должно было способствовать тому, чтобы иерархия кровного старшинства порождала иерархию территориального или городского старшинства, которая, утвердившись, могла бы поддержать политическое единство России, «ибо сама по себе она,

однажды установленная, была неподвижна и прочна»¹⁸. Однако, будучи порождением кровной системы, система территориальная подвергалась изменениям в связи со смертью и рождением князей, вела к беспрестанным дележам Русской земли. Личное начало не могло упрочить государственную целостность России. Это начало было представлено родом, «закон развития которого – распадение, уничтожение единства». Потомки стали забывать о кровном единстве, об общем происхождении и преследовать свои частные цели, «основываясь на правах своего ближайшего предка, а не общего родоначальника»¹⁹.

На смену началу родовому, по которому после отца наследовал старший сын, затем – второй и т. д., пришло начало семейственное: теперь старший внук, исходя из ближайших интересов семьи, к которой он принадлежал, и не заботясь о далеких для него интересах рода, старается присвоить себе права отца. «В лице первых князей русско-славянский мир как будто готовится освободить себя от ига природы и дать простор личности ослаблением кровного союза»²⁰. С нарушением единства княжеского рода становится спорным право владения Киевом, да и само старшинство киевского князя постепенно превращается в призрак. Еще предпринимаются попытки решать дела между князьями сообща, собираются съезды, в которых Кавелин видит подобие веча в общинах. Но и они не смогли восстановить единство княжеского рода: несмотря на усилия Владимира Мономаха и Мстислава Великого, оно навсегда утрачивается. Бесконечные войны между князьями на время оживляют общинное начало. В представлении Кавелина, в этот период существовали параллельно русские общины и полуславянские, полугаряжские князья. Чтобы положить конец грабежам и насилиям, общины предпринимают меры обороны, выбирают собственных князей. В этих условиях возрастает значение веча.

В русской историографии XIX в. значительное и своеобразное место занял Древний Новгород. Особенности внутреннего устройства Новгорода, его внешние связи, многолетнее соперничество с Москвой получили широкое и разнообразное толкование в исторической литературе. При этом в конце XVIII в. и особенно в начале XIX в. наметились две тенденции: одни авторы подчеркивали наличие в Новгороде вечевых порядков и видели в них несомненное достоинство, другие возражали против подобных высказываний.

С первыми проблесками республиканских идей связывал историю Новгорода А.Н.Радищев, который считал, что в Новгороде существовало «народное правление» и «народ в собрании своем на вече был истинный государь»²¹. А.П.Куницын указывал на новгородское вече как на пример (наряду с боярскими думами) того, что помыслы о «свободных понятиях» никогда не были чужды народу России²². Для митрополита Евгения (Е.А.Болховитинова), наоборот, обычаи и нравы древнего Новгорода, особенно вечевые порядки, были «странны» и «удивительны». Отмечая эти «странности», он считал, что Новгородское княжество отличалось лишь тем, что князю Новгородскому чаще других приходилось призывать к порядку «мятежный народ»²³. Позиция митрополита Евгения была образцом реакции официальной историографии на повышенный интерес к вечевому строю Новгорода, проявлявшийся со стороны многих представителей русской науки и литературы.

Более сложным был подход к этой проблеме у Н.М.Карамзина. Он писал о большой власти, сосредоточенной в руках князя, и о том, что новгородцы «нередко останавливали государя в делах важнейших, предлагали ему советы, требования, иногда решали собственную судьбу его как вышние законодатели»²⁴. Вместе с тем Карамзин идеализировал князей и отрицательно смотрел на вече как на шумное и мятежное сборище, утверждая, что вечевые собрания порождали «частые мятежи, бывающие главным злом свободы»²⁵. Рассматривая состав веча, Карамзин в одних случаях приходил к выводу, что «не все граждане могли судить на вечах, а только... бояре, воины, купцы», в других – считал, что приговоры веча составлялись и при участии «черни»²⁶. В конечном счете, разбирая распри князя и веча, Карамзин стоял на стороне первого, призванного «обуздывать народное своеволие», и порицал новгородцев, которые «судили и князей и святителей, думая, что власть мирская и духовная происходит от народа»²⁷. Достоинства вечевого строя, как зародыша республиканизма, отстаивали Н.А. и А.А.Бестужевы, М.А.Фонвизин, М.А.Дмитриев-Мамонов, А.Е.Розен, Н.И.Тургенев, М.С.Лушин, В.К.Кюхельбекер. При этом декабристы идеализировали вечевые порядки.

Полемика декабристов с официально-охранительной историографией, их критика воззрений Карамзина, взгляды самих декабристов на историю Новгорода хорошо освещены в нашей литера-

туре²⁸. Исследование истории Новгорода продолжал А.И.Герцен, который писал: «Свободный от монгольского ига, великий и могучий Новгород, привыкший считать себя суверенным, богатый благодаря оживленной торговле, которую он вел с ганзейскими городами, метрополия, имевшая широкую разветвленную сеть владений по всей России, – Новгород всегда ставил права общины выше прав князя». Видя в Новгороде олицетворение общинно-вечевых порядков, противопоставляя его Москве, Герцен сетовал по поводу победы Москвы над Новгородом, полагая, что «московский абсолютизм не был единственным средством спасения для России... Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия. Россия была спасена; она стала сильной, великой – но какою ценою? ... Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни»²⁹. Иначе смотрел на эти события В.Г.Белинский. Он считал исторически оправданным присоединение Новгорода к Москве. «Бессилие разъединенной Руси дало Новгороду укрепиться, а соединение Руси в одну державу без борьбы и особенных усилий ниспровергло его. И если бы Москва допустила существование Новгорода, он пал бы сам собою и стал бы легкою добычею Польши или Швеции». Далее он добавлял: «Что не развивается, то не живет, а что не живет, то умирает: таков мировой закон всех гражданских обществ»³⁰. Во внутреннем устройстве Новгорода Белинский не усматривал признаков республиканских порядков. Он полагал, что, «сделавшись купеческим городом, Новгород отнюдь не сделался муниципальным городом, и новгородцы, сделавшись купцами, отнюдь не сделались гражданами торговой республики: у них не было цехов, не было определенного разделения классов, которые составляют основание торговых государств»³¹.

Высказывания Герцена и Белинского имели важное значение для трактовки истории Новгорода в русской исторической науке³². Неудивительно, что и Кавелин уделил этой проблеме большое внимание. Он полагал, что в Новгороде, как и вообще на севере России, особую значимость приобрели общины. При этом Кавелин замечает, что на Новгород многие историки смотрели как на «странное исключение из жизни древней России», объясняя его иностранным влиянием. Он считал подобный взгляд «историческим предрассуд-

ком», который опровергается при внимательном изучении истории древней России. По его убеждению, во внутреннем устройстве Новгорода «нет ни одной нерусской, неславянской черты», более того, «Новгород – община в древнерусском смысле слова, какими были более или менее все другие общины». При этом Кавелин отмечал и особенные исторические условия, которые позволили формам этой общины «резче обозначиться, продлили гораздо дольше ее политическое существование». Во всяком случае, он считал Новгород «образцом первоначального, русско-славянского общинного быта», во внутреннем устройстве которого видел «ту же неопределенность, то же отсутствие твердой юридической, на начале личности созданной собственности, которые характеризуют нашу древнюю внутреннюю жизнь».

Новгород представлялся Кавелину состоящим из множества общин, каждая из которых была в главных чертах сходна по устройству со всей новгородской общиной. Представление Кавелина об устройстве последней особенно важно для понимания его взглядов на Новгород. Верховная власть находилась одновременно в руках князя и веча, полагал он. Власть князя и веча были противоположны друг другу, но существовали рядом при ничем не определенных взаимоотношениях. Постоянное государственное устройство отсутствовало – при каждом новом князе складывались новые условия. Хотя эти условия были сходны, в самом их существовании Кавелин усматривает указание на «отсутствие ясного сознания о государственном быте»³³. Характерны его рассуждения о княжеской власти: «Князь избирается Новгородом; но он от него зависит и всегда может быть удален из общины, когда им недовольны. Власть его ограничена в частностях, не определена в сущности»³⁴. Он подчеркивает зависимость князя от веча, возможность стать князем только путем избрания, право веча удалить неугодного князя. Княжеская власть отнюдь не воспринимается им как нечто неприкосновенное, посланное свыше. Более того, он указывает на настороженное отношение новгородцев к князьям: «История родила к ней (княжеской власти) недоверие новгородцев; отсутствие государственных идей мешало схватить ее в определенных юридических формах». Но вечевые порядки Новгорода вызывают у Кавелина и критическое отношение. Он считал, что «вече представляет совершенно неопределенное народное собрание», на котором дела решались «не по большинству

голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно, сообща». Новгородское вече вызывало у Кавелина ассоциации с современностью: «Живую картину его (веча) и теперь еще представляют крестьянские сходки». Он отмечал деление новгородской общины на различные слои. «Как и во всякой древней русской общине, в Новгороде были бояре и смерды, старшие и младшие. Но какова была аристократия, мы не знаем; знаем только, что в последнее время она играла важную роль»³⁵.

Таким образом, новгородские порядки у Кавелина – образец общинной Руси: с княжеской властью, зависевшей от общины, с общиной, разделенной на имущественные и социальные слои. Видимо, Кавелин не склонен был изображать Новгород как торжество народовластия.

Осторожно, только применительно к «последнему времени», но он все же говорит о важной роли аристократии; сама община тоже была несовершенна и не способна на ясное юридическое оформление своих взаимоотношений с князьями; вечевое собрание – неорганизованное сборище. За рассуждениями о власти князей, об их избрании и возможном отрешении проглядывает мысль о необходимости каких-то изменений в современной Кавелину структуре государственной власти.

Описывая довольно подробно взаимоотношения князя и веча в Новгороде, Кавелин использовал книгу С.М.Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям», дополнив ее некоторыми новыми суждениями. Он останавливается на взаимоотношениях Новгорода и других княжеств, на его соперничестве с Москвой, в котором видит борьбу двух начал: укрепившейся в центре сильной централизаторской власти московского князя и сохранившихся на Севере России общинных начал. Он отмечает, что в судьбах Новгорода много «странного, особенного», что существование Новгорода «не прекратилось само собой, но насильственно прервано, жертва сколько идеи, столько же и физического возрастания и сложения Московского государства... Мы не можем о Новгороде сказать, как о древней Руси перед Петром Великим, что он отжил свой век и больше ему ничего не оставалось делать, как исчезнуть»³⁶. Кавелин видел в новгородских порядках даже общие черты с послепетровской Россией: «Незадолго перед уничтожением его самостоятельности в нем обнаружилось какое-то неясное стремле-

ние идти по тому же пути, по которому великий преобразователь, через два с половиной века, повел всю Россию, – удивительно сближение, много говорящее и в пользу переворота, совершенного Петром, и в пользу Новгорода». Он не считает возможным строить предположения относительно того, к чему могло привести такое развитие, но отмечает, что «в лице Новгорода пресекался неразвившийся, особенный способ или вид существования древней Руси, неизвестный прочим ее частям». Вместе с тем Кавелин убежден, что «своим долгим существованием Новгород вполне исчерпал, вполне развил весь исключительно национальный общинный быт древней Руси», что «в новгородском устройстве этот быт достиг своей апогеи, дальше которой не мог идти». К тому же «этот быт» мало заключал в себе «зачатков гражданственности, твердого, прочного, государственного устройства»³⁷.

На первый взгляд может показаться, что рассуждения Кавелина о падении Новгорода в результате соперничества с Москвой почти совпадают со взглядами Герцена. Однако при более внимательном сопоставлении можно заметить весьма важные различия. Герцен пытался найти в новгородском народоправстве черты республиканизма, противопоставить их самодержавной Москве. Свойственные Новгороду вечевые начала он считал способными к дальнейшему развитию. Кавелин же находил, что они исчерпали себя. В особенностях Новгорода Кавелин усматривал элементы, схожие с теми порядками, с той политикой, которые связаны с именем Петра I. Таким образом, они не отрицали самодержавную власть, а лишь подразумевали несколько иное претворение, то, которое проводил в жизнь Петр I. **Что же касается гибели народоправства**, то ввиду его «несовершенства» Кавелин не высказывал о нем особого сожаления.

В результате Кавелин оставляет в стороне общинное начало и обращается к отношениям, сыгравшим в истории России более значительную роль. В отличие от Севера России, где, как он полагал, «община усиливалась и прибирала власть к рукам, в остальной России нарождался новый порядок вещей». Князья перестали стремиться к овладению киевским престолом, стали заботиться об удержании наследственных уделов, приобрели оседлость. Но родовое начало сохраняет свое влияние и в этих условиях, лишь в меньших масштабах. Продолжалось дробление княжеств, и в

ходе этого процесса князья превращались в простых вотчинных владельцев, наследников отцовских имений. Изменился и характер дружины. После того как князь стал вотчинником, господином своих владений, дружинники постепенно превратились в его слуг. «По-прежнему слуги лично свободны, переходят от одного князя к другому, но они служат, а князь – господин». Вновь отступает общинное начало. Чтобы удержать на службе слуг и обеспечить им содержание, князь отдает им в кормление области. В этих условиях приниматься за создание государства нужно было уже на новых началах. Московские князья это и сделали. В целом это был шаг вперед, особенно для развития личности. Утверждение нового порядка было ускорено монгольским нашествием. «Монголы сделали много зла для России: из конца в конец они ее опустошили, и опустошали не раз, однако, – отмечает Кавелин, – монголы разрушают удельную систему в самом основании, воссоздают политическое единство, словом, действуют в наших интересах, сами того не подозревая! Но, как мы видели, они действовали отрицательно. Положительно воспользовались всеми выгодами монгольского ига даровитые, умные, смышленные князья московские»³⁸. Он выделяет среди них Ивана Калиту, внука Александра Невского, который сначала был одним «из самых небогатых и несильных князей», владевшим всего лишь восемью городами, но затем сумел добиться великокняжеского достоинства. Кавелин подчеркивает, что за ловкостью и способностью использовать любые средства для своего обогащения и собирания земель в деятельности Ивана Калиты следует выделить важную особенность: «Иоанн Калита был в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения, как на собственность»³⁹. В вотчинном начале Кавелин усматривал основу новых отношений, на которых с тех пор держится власть московских великих князей. Он писал: «Вот каковы были первые зачатки будущего московского государства, обнявшего всю Россию! Оно создается по новым началам. Московские князья прежде всего – неограниченные, наследственные господа над своими вотчинами; прежде всего они заботятся о том, чтобы умножить число своих имений»⁴⁰. Для достижения своих целей они сначала умело использовали хана, а затем, когда ослабевшая Орда стала для них помехой, сбросили личину покорности и выступили против татарского ига. Далее Кавелин излагает свое представление о постепен-

ном вытеснении семейных начал государственными. «Оставалось сделать один шаг, – пишет он, – пожертвовать семьей государству: этот шаг и был сделан, но не вдруг». Кровное начало стояло на пути государственного, так как и московское великое княжение делилось на части среди детей великого князя, причем старший, великий князь, не был сильнее других и получал равный с ними удел. Раздоры усиливались из-за образования боковых линий, также предъявлявших свои права. Чтобы предотвратить соперничество между детьми, великие князья стали давать старшему сыну большую часть, а прочим – меньшую. Тем самым кровные интересы мало-помалу уступают место желанию «сохранить и упрочить силу великого князя». В этом, по мнению Кавелина, «уже заключалась неясная мысль о государстве». Главная причина того, что братья Ивана III получают только по три города, а братья Василия Ивановича становятся уже не самостоятельными удельными князьями, а простыми владельцами, подданными великого князя, – не личные качества того или иного князя, а проявление известной закономерности. Именно она интересует Кавелина. В уничтожении уделов он видит важное событие в русской истории. «Уделы совершенно исчезают, и когда разными неправдами Василий отнял удел у князя северского, – последний в тогдашней России, – какой-то юродивый бегал по Москве с метлой, говоря, что пора очистить государство от последнего сору. И точно, уделы сделались тогда анахронизмом, запоздалым остатком прошедшего»⁴¹.

Кавелин старается показать, что развитие от семейных отношений к государственным идет постепенно, вследствие чего под старыми, установившимися формами вначале трудно заметить и личность, и идею государства. Однако постепенно «из-под великокняжеской вотчины» начинает проглядывать государство, «отвлеченное нравственное лицо, имеющее свое физическое существование и самостоятельное, разумное значение». В дальнейшем развитии событий, по мнению Кавелина, все более отчетливо прослеживается влияние новых начал. «Образуются государственная территория – не случайное соединение земель, а правильное органическое тело, имеющее свою жизнь и потребности». В своей внешней политике московские государи руководствуются потребностями государства, «войны и мирные трактаты, приобретения земель перестают быть частным делом и получают высокое разу-

мное значение». Еще более существенные изменения находит он в области внутренней политики: «Начало подданства начинает смещать начало холопства; является понятие о гражданской службе, о гражданстве, о равенстве перед судом. Улучшения внутреннего управления, судопроизводства, обуздание произвола кормленщиков, законодательство – все это показывает, что в Московском государстве под старыми формами развилось уже новое содержание»⁴².

В уничтожении удельной системы и объединении России в единое целое под властью одного великого князя Кавелин видел не только начало новой эпохи в политической жизни страны, но и важный шаг вперед в развитии всего ее внутреннего быта. По его словам, политическая система, созданная московскими великими князьями, – «нечто совершенно новое в русской истории... полное отрицание всех прежних систем, не в одних явлениях, а в самом основании... Так сначала в государственной сфере происходит отрицание исключительно кровного, семейного начала, последнего, самого ограниченного круга кровного союза и кровных отношений. На сцену действия выступает личность. Она не произвольно выходит из кровного союза, ставит себя выше семьи: она отрицает их во имя идеи, и эта идея – государство. Появление государства было вместе и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия личности, следовательно, началом гражданского, юридического, на мысли и нравственных интересах, а не на одном родстве основанного, общественного бытия»⁴³.

Но Кавелин считал, что Московское государство лишь подготовило почву для установления новых общественных отношений. Это становление растянулось на два столетия, причем начало этой переходной эпохи российской истории отмечено именем Ивана IV, а завершение – именем Петра I. Кавелин находил между ними много общего: «Разделенные целым веком, совершенно различные по характеру, они замечательно сходны по стремлениям, по направлению деятельности. И тот, и другой преследуют одни цели. Какая-то симпатия их связывает. Петр Великий глубоко уважал Иоанна IV, называл его своим образцом и ставил выше себя»⁴⁴. Здесь заметно влияние В.Г.Белинского, для которого Иван IV – «Петр I, не вовремя явившийся и грозой докончивший идею своего великого деда»⁴⁵. Степень этого влияния определяется исследователями

различно⁴⁶. Но Кавелин не только заимствовал у Белинского общие черты образа Ивана IV. Он по-своему, применительно к родовой теории истолковал его внутривполитическую деятельность. До Ивана IV, в его представлении, на Руси все было погружено в родственный быт, личность, «единственная плодотворная почва всякого нравственного развития», еще была подавлена кровными отношениями. Если быт славян и претерпел известные изменения в связи с принятием христианства, уничтожением многоженства и кровной мести, то все же, как считает Кавелин, «таких реформ было не много... Общины, города и волости, по-прежнему не имели никакого правильного общинного устройства и потеряли то временное политическое значение, которое получили было»⁴⁷. Их положение ухудшалось из-за гнета кормленщиков. Подле общин существовало множество отдельных родов, разного происхождения и богатства, состоявших на службе у других родов или князей. С уничтожением уделов княжеские фамилии также низошли в разряд служилых родов и служили государю. Одновременно они перенесли на службу родовые понятия, – что противоречило интересам государства, вынужденного замещать должности родовитыми, но неспособными людьми. В борьбе против родовитой знати Кавелин видит продолжение борьбы государственного и кровного начал. Он отмечает строгое обращение с вельможами Ивана III. Но особенно большую роль, по его мнению, сыграл в этом деле Иван IV. В основе реформ, предпринятых в областном управлении и в государственном устройстве, Кавелин видит стремление Ивана IV «совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкого происхождения, но преданными, готовыми служить ему и государству без всяких задних мыслей и частных расчетов». С этой точки зрения он оценивает и причину, считая, что она «была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, – на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства: мысль, которая под другими формами была осуществлена потом Петром Великим». Реформы Ивана IV кончились крахом потому, считал Кавелин, что для них еще не было создано должных условий в самом обществе. В конце концов «Иоанн мог только мстить за неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, все, что было в нем благородного, –

и мстил страшно. Он умер. Современники его прокляли». Что же касается потомков, то «ученые и писатели – они повторяли слова современников, которые кричали громче других. Только один его понял – великий преемник его начинаний, которому суждено было довершить его дело и благословить Россию на новый путь»⁴⁸.

Так Кавелин вносит в русскую историографию намеченную еще Белинским характеристику Ивана IV, весьма отличную от тех, которые давало до него большинство русских историков. В свою очередь, рассуждения Кавелина, касающиеся русской истории XVI в., весьма по-разному оцениваются в работах по русской историографии.

Кавелин писал, что после Иоанна IV **все его реформы или разрушились, или потеряли смысл**. Еще при его жизни исчезло разделение на опричнину и земщину: появились опять наместники в областях. После смерти Ивана IV **звание думного дворянина превратилось в обыкновенный чин**, который жаловался знатым родичам; утратили свое прежнее положение старосты и целовальники. Тем не менее, необходимость реформ была очевидна. Это проявилось при сыне и преемнике Иоанна «в законодательной мере, которой настоящий смысл не понят, потому что на нее до сих пор смотрят с теперешней, а не с тогдашней точки зрения». Кавелин имеет в виду запрещение в 1592 г. перехода крестьян с места на место, прикрепление сельского населения к земле. Он считал бесполезным искать объяснение отмене Юрьева дня с юридической точки зрения, поскольку в древней Руси юридического быта не было, а личность как таковая ничего не значила в гражданской сфере. Он полагал, что этот акт был продиктован политическими, административными и полицейскими соображениями. С его помощью стремились положить конец бродяжничеству и преступлениям и прекратить переманивание крестьян с чужих земель на свои, которое особенно практиковали богатые в ущерб бедным. Следствием запрещения переходов, в связи с юридической неопределенностью древнерусского быта, Кавелин считал «постепенное смешение двух сословий: холопского и крестьянского». Сливаясь, они воздействовали одно на другое; многие положения, относившиеся сначала к одним холопам, были перенесены и на крестьян. «Удерживались неважные, чисто формальные исторические различия, более и более терявшие смысл», – подводил он итог процессу⁴⁹.

«Смутное время» не особенно занимает Кавелина. Сложные события начала XVII в., как ему казалось, не повлияли на общее развитие страны. Он считал, что эта эпоха вообще относится скорее к политической, нежели к внутренней истории России. Зато она «обнаружила, что идея государства уже глубоко проникла в жизнь: Россия сама встала на свою защиту во имя веры и Москвы, тогдашнего государственного центра нашего отечества»⁵⁰. Годы царствования первых Романовых представляются Кавелину временем, когда «все успокоилось» и «опять возобновилась на время прерванная борьба царей с отживающими остатками догосударственной России». Эту борьбу правительство вело, как и прежде, в области административной, но теперь она велась тихо и медленно. Алексей Михайлович обходит Думу и все важнейшие дела совершает через подьячих Тайного приказа, преследует местнические споры, которые сами по себе «становятся мало-помалу безвредными для государства»; наконец, в 1682 г. Федор Алексеевич уничтожает местничество. Областные правители сначала были ограничены и стеснены в своих действиях, а затем из помещиков превращены в воевод⁵¹.

Кавелин усматривает изменения не только в области административного устройства, но и в гражданском быту России XVII в. Он видит их прежде всего в том, что юридическое начало берет верх над кровным родственным, в частности в изменении порядка наследования, в имущественных и личных отношениях между членами семей и родов, которые стали нуждаться в посредничестве государства и более не основывались на обычаях. И еще одну особенность переходного периода отмечает Кавелин: порчу общественных нравов. Ее он считает естественной и необходимой спутницей всех переходных эпох, порожденной грубой, неразвитой и непризнанной личностью, искавшей простора, не способной развиваться в тесном кругу преобладавших кровных отношений: «И без всяких посторонних влияний она (личность) рано или поздно предъявила бы свои права и в частном общественном быту, как прежде предъявила их в политическом и государственном. Закон жизни был один: и явления были одинаковы»⁵².

Итак, главный результат исторического развития древней Руси Кавелин видел в том, что оно привело к возникновению первых зачатков государства и начал личности. Независимость личности

ранее всего проявилась в сфере политической и государственной, где она нашла свое наиболее яркое и полное выражение в лице Петра I. «В Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила их и подчинила себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории», – писал Кавелин. Он решительно выступал против тех, кто утверждал, что эпоха реформ «пришла слишком внезапно, действовала круто, насильственно, разорвала русскую историю на две половины, совершенно между собою несхожие, ничем не связанные... лишила Россию национальности, подчинила ее исключительному господству европейских элементов и апостазию от национального возвела на степень добродетели». Кавелин доказывал, что реформы начала XVIII в. не провели резкой грани между старой и новой Россией, и обращал внимание не только на внутреннюю, но и на внешнюю связь между ними. По его мнению, эта связь выразилась, в частности, в том, что сам Петр I, не различая старой и новой России, в своем законодательстве сливал их воедино, а своими преобразованиями давал ответы на вопросы, поставленные в древней Руси, показав тем самым свое хорошее знакомство с русской действительностью.

«Непроходимая бездна» между старым и новым создана, по Кавелину, «воображением, совершенно отвлеченным пониманием истории». В действительности как на Западе, так и в России между новым и древним миром существует прямая связь. Он приводит в пример Наполеона I, который «создал новый порядок вещей во Франции, нисколько не похожий на тот, который им сменился», однако никто не говорит, что Франция до Наполеона и после него – две совсем разные Франции. Что же касается времени, когда эпоха реформ стала подходить к концу, когда нерешительность и сомнение «поразили ум и деятельность», то в этом новом явлении Кавелин видел не следствие реформы, а «необходимую прелюдию к другому порядку вещей, который тогда зарождался»⁵³.

Главное обвинение в адрес «эпохи преобразований» состояло, как полагал Кавелин, в том, что она будто бы лишила народ русский народности и подчинила его европейскому влиянию. Он считал это обвинение плодом недоразумения, порожденного, с одной

стороны, различным толкованием слова «народность», с другой – отвлеченным взглядом на русскую историю. Кавелин объяснял, что под «национальностью», «народностью» применительно к разным эпохам следует понимать различные вещи. В ранний период развития, «когда народ пребывает в непосредственном, природном состоянии», народность неразрывно связана с внешними формами его существования, и перемена формы означает в этот период утрату народности. Что же касается более развитых форм человеческого общества, отличающихся более богатой духовной жизнью, то здесь «национальность становится выражением особенности нравственного, а не физического существования народа». С этой точки зрения, полагал он, русская народность в первом смысле сильно изменилась, причем эти изменения начались еще до реформ XVIII в. В другом смысле русские никогда не теряли «народности», оставаясь русскими и славянами. Кавелин утверждал, что в результате реформ не Европа перешла в Россию, а русские «оевропеились», оставаясь вместе с тем русскими.

Таким образом, статья Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» давала общую концепцию исторического развития России. На фоне охранительной историографии и идей ее защитников концепция Кавелина содержала черты определенного либерализма, соответствовавшего требованиям отмены крепостного права. Вместе с тем, выделяя решающую роль государства в историческом развитии России, подчеркивая значение реформ начала XVIII в., проведенных царем-преобразователем, Кавелин давал и историческое обоснование мысли о возможности и необходимости осуществления реформ самой императорской властью. Эти взгляды были подхвачены либеральными кругами, недовольными крайней реакцией николаевского царствования. Что же касается историков либерального направления, то, получив общую и законченную теорию исторического развития России, они использовали ее в своих исторических трудах для осмысления и изложения истории России и отдельных ее проблем.

Примечания

- 1 *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России // Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. СПб., 1897. Стлб. 5.
- 2 Там же. Стлб. 6–7.
- 3 Там же. Стлб. 7.
- 4 Там же. Стлб. 8.
- 5 Там же. Стлб. 11–12.
- 6 Там же. Стлб. 14.
- 7 Там же.
- 8 Там же. Стлб. 15.
- 9 Там же. Стлб. 16.
- 10 См.: *Кавелин К.Д.* Злобы дня // Русская мысль, 1888. Кн. 3, 4.
- 11 *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России. Стлб. 16.
- 12 Там же. Стлб. 18.
- 13 Там же. Стлб. 23–24.
- 14 Там же. Стлб. 24.
- 15 Там же. Стлб. 25.
- 16 *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Ленинградский государственный ордена Ленина университет. Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 55.
- 17 *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России. Стлб. 26.
- 18 Там же. Стлб. 27–28.
- 19 Там же. Стлб. 28.
- 20 Там же. Стлб. 29.
- 21 *Радищев А.П.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 262.
- 22 *Куницын А.* Рассмотрение речи президента Академии наук // Сын отечества, 1818. Ч. 46. С. 189.
- 23 *Болховитинов Е.* Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1809. С. 52.
- 24 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. III. СПб., 1818. Стлб. 121.
- 25 Там же. Т. IV. Стлб. 138.
- 26 Там же. Т. VI. Стлб. 8.
- 27 Там же. Т. III. Стлб. 70, 103; Т. VI. Стлб. 88.
- 28 См., например: *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 321–347.
- 29 *Герцен А.И.* Собр. соч. Т. VII. М., 1958. С. 160, 161.
- 30 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. V. М., 1954. С. 405–406.
- 31 Там же. С. 405.
- 32 См.: *Иллерицкий В.Е.* История России в освещении революционеро-демократов. М., 1963. С. 160–165.
- 33 *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России. Стлб. 33.
- 34 Там же. Стлб. 33–34.
- 35 Там же. Стлб. 34.
- 36 Там же. Стлб. 35.

- 37 *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России. Стлб. 36.
38 Там же. Стлб. 41.
39 Там же. Стлб. 42.
40 Там же. Стлб. 43.
41 Там же. Стлб. 44.
42 Там же. Стлб. 45–46.
43 Там же. Стлб. 46.
44 Там же.
45 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. III. М., 1953. С. 20.
46 См.: *Мордовченко Н.* Иван Грозный в оценках Белинского // Звезда, 1945, № 10–11. С. 183; *Кийко Е.И.* Белинский в «Современнике» // Ученые записки Ленинградского университета, 1954. № 171. Сер. фил. наук. Вып. 19; *Иллерицкий В.Е.* Указ. соч. С. 176.
47 *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России. Стлб. 49.
48 Там же. Стлб. 53–54.
49 Там же. Стлб. 54.
50 Там же. Стлб. 55.
51 Там же.
52 Там же. Стлб. 56.
53 Там же. Стлб. 60–61.

Библиография

- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. III. М., 1953.
Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1809.
Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Ленинградский государственный ордена Ленина университет. Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948.
Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958.
Герцен А.И. Собр. соч. Т. VII. М., 1958.
Иллерицкий В.Е. История России в освещении революционеро-демократов. М., 1963.
Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. СПб., 1897.
Кавелин К.Д. Злобы дня // Русская мысль, 1888. Кн. 3, 4.
Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. III. СПб., 1818.
Кийко Е.И. Белинский в «Современнике» // Ученые записки Ленинградского университета, 1954. № 171. Сер. фил. наук, вып. 19.
Куницын А. Рассмотрение речи президента Академии наук // Сын отечества, 1818. Ч. 46.
Мордовченко Н. Иван Грозный в оценках Белинского // Звезда, 1945.
Радищев А.П. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938.